

Рогова Ольга Ильинична

Слепой Домрачей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-56

Ольга Ильинична Р.

О-56 Слепой Домрачей / Рогова Ольга Ильинична – М.: Книга по Требованию, 2023. – 269 с.

ISBN 978-5-519-80878-1

Содержание: Злополучная ширинка; Найденный кошелек; Найда; Рябая невеста

ISBN 978-5-519-80878-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

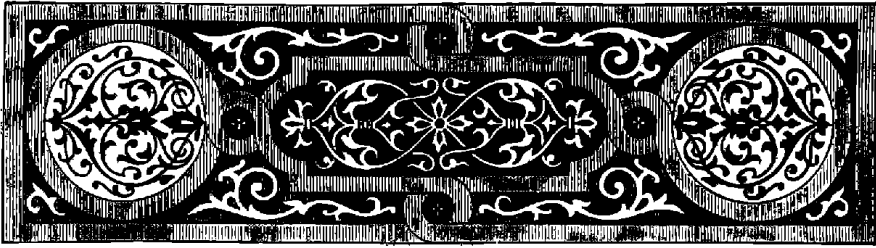
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Боярыня Марья Васильевна встала до свѣту, съ первыми пѣтухами. Она неслышно скользнула изъ подъ пуховаго одѣяла, поспѣшно натянула на голыя ноги ичедоги, сафьянные чулки на тафтяной подкладкѣ и съ атласнымъ верхомъ. На шелковую сорочку съ длинными рукавами боярыня накинула теплую тѣлогрѣю съ бѣличьимъ исподомъ, крытую камкою червчатою со свѣтло-зеленою подпушкою, обшитую дорогимъ бобромъ. Тихо отворила боярыня дверь въ крестовую (молельню), но предательская дверь все-таки скрипнула и сановитая,

высокая, полная Марья Васильевна чуть не присѣла съ испугу, какъ дѣвочка, пойманная на шалости.

— Охъ, услышитъ Ѳеодоръ Акинфовичъ! прорешептала она и перекрестилась: помяни Господи царя Давида и всю кротость его!..

Боярыня прислушалась еще и еще — нѣтъ, въ спальнѣ раздавался только мѣрный храпъ боярина, грознаго хозяина, Ѳеодора Акинфовича Соковнина.

Торопливо схватила боярыня за четки сердоликовые съ зелеными яшмовыми прокладками и богато унизанною жемчугомъ золотою кистью. Наскоро прочла она молитвы, набожно сдѣлала три земныхъ поклона передъ роскошнымъ кіотомъ, занимавшимъ двѣ стѣны и уголъ маленькой молельни, и собиралась уже спуститься по винтовой лѣстницѣ въ свѣтлицу, какъ вдругъ спохватилась:

— Ахъ, я, полоумная, чуть простоволосая не ушла!

Дѣйствительно, роскошные бѣлокुरые волосы боярыни разсыпались прихотливыми вьющимися змѣйками по плечамъ.

— Что же теперь дѣлать? разсуждала сама съ собой Марья Васильевна: хоть бы убрусъ накинуть...

Но ни убруса, расшитаго полѣтянаго полотенца, ни подубрусника, легкой тафтяной шапочки, нельзя было достать; за ними пришлось бы опять идти въ опочивальню, а Ѳеодоръ Акинфовичъ спитъ чутко, того и гляди проснется, тогда ужъ достанется ей, онъ не любитъ, чтобы она до свѣту бредила по дому... Вдругъ счастливая мысль пришла ей въ голову: на лавкѣ, въ углу валялась бѣлая тафтяная ширинка, расшитая искусными узорами золотомъ, да серебромъ, да разноцвѣтными шелками. Боярыня живо скрутила свою тя-

желую косу и повязалась ширинкою, какъ убрусомъ, при чемъ золотыя кисти угловъ свѣсились на сторону и болтались за ухомъ. Боярыня глянула на себя въ гладко отполированную серебряную стѣнку кіота и на полныхъ щекахъ ея появились ямочки.

— Точь въ точь шутиха! подумала она, тихонько смѣясь: а все не простоволосая! утѣшила она себя, сходя въ свѣтлицу.

Тамъ, за длинными столами и пальцами работало уже дюжины двѣ проворныхъ рукъ. Золотошвеекъ подымали съ первыми пѣтухами и, при тускломъ свѣтѣ масляныхъ ночниковъ и восковыхъ огарковъ, онѣ садились за работу, выводили узоры затѣйливые и по атласу, и по тафтѣ, и по бархату. При появленіи боярыни всѣ дѣвушки встали и отвѣсили низкій поклонъ.

— Здравствуй, матушка, боярыня 'наша свѣтлая! съ пояснымъ поклономъ проговорила старая мамка Антиповна, державшая надзоръ за мастерицами: что рано встала, пташечка моя ненаглядная? Али сердце неспокойно, Аннушкину работу поглядѣть хочется? Готово, готово, сударыня, дѣвка наша золото, ночь не поспить, а кончить...

Боярыня весело улыбнулась Антиповнѣ.

— Спасибо тебѣ, Антиповна...

— Что тутъ Антиповна, не въ Антиповнѣ дѣло, а въ Аннушкиныхъ рукахъ... проговорила старуха.

Аннушка была лучшая мастерица, любимица Антиповны. Старуха ее вынянчила и выходила, и всякому рукодѣлью научила, немудрено, что и привязалась къ ней, какъ къ родной.

— Ну, показывай, показывай, торопила боярыня:

мнѣ только однимъ глазкомъ взглянуть, а тамъ и назадъ, не то Федоръ Акинфовичъ проснется.

Старуха глянула съ боку на свою прежнюю питомицу, усмѣхнулась ея странному головному убору и пошла къ кованому ларю, стоявшему въ переднемъ углу, подъ образами.

— Ну, вотъ и работа моей руководѣльницы, съ гордостью сказала она, вынимая изъ ларя ширинку бѣлой тафты всю вышитую затѣйливыми узорами. Тутъ были и птицы заморскія, и травы, и цвѣты, и звѣри диковинные, и все это такъ искусно было пригнано и переплетено, что боярыня даже руками всплеснула отъ удивленія.

— Антиповна, да какъ же это она такъ скоро сработала? Вечоръ еще и половины не было сшито.

— Всю ночь просидѣла, матушка, за то ужъ я ее безъ позволенія твоей милости на цѣлый день отъ работы освободила.

— Не на день, а на три я ее отпускаю, пусть гуляетъ, больно ужъ она мнѣ ширинкою угодила...

— И-и, матушка, зачѣмъ дѣвку баловать? Вотъ сегодня выпится, къ подружкамъ сходить, повидается, а завтра и за работу, довольно съ нея и этого...

— Ну, какъ знаешь, Антиповна, твое дѣло.

Боярыня поспѣшно подобрала рукава тѣлѣгрѣи и поднялась вверхъ по лѣстницѣ. Переступивъ порогъ опочивальни, она такъ и обомлѣла: ея грозный повелитель не только проснулся, но уже и одѣлся и стоялъ теперь у затѣйливаго кувшина съ водой, собираясь умываться. Услышавъ шаги, бояринъ обернулся и, взглянувъ на жену, такъ и остановился съ кувшиномъ въ рукѣ.

— Да ты, сударыня, никакъ съума сошла?—грозно крикнулъ онъ: ни свѣтъ, ни заря шутихой обернулась. Что за потѣхи нашла?

Тутъ только боярыня опомнилась и въ смущеніи сдернула съ головы ширинку съ кистями.

— Прости, Ѳеодоръ Акинфовичъ, проговорила она робко: я ходила въ свѣтлицу, убрусь то забыла тутъ, такъ ширинкой прикрылась.

— Вамъ, бабамъ, только и дѣла, что ночь и день съ вашими тряпками возиться, съ досадою проворчалъ бояринъ: не было тебѣ времени утромъ съ этимъ дѣломъ управиться?

— Дѣло то, Ѳеодоръ Акинфовичъ, такое, самъ знаешь, вчера дѣвушки ширинку дошивали, что княжна Авдотья заказала: сама Анна Петровна сегодня за мной прїѣдетъ, въ княжій теремъ повезетъ.

Бояринъ принялся умываться.

— Не люблю я этой твоей Хитрой,—проговорилъ онъ, видимо смягчаясь: ужъ по шерсти и кличка, хитрая лисица, туда вильнетъ, сюда вильнетъ, а всюду раздоръ да смуту посеетъ.

Марья Васильевна вздохнула и опустила глаза: она не смѣла перечить мужу, но въ душѣ не соглашалась съ нимъ.

— Анна Петровна говоритъ, нерѣшительно сказала она, съ минутой помолчавъ: что тебѣ бы больше дружить съ Нарышкиными, а она бы ту дружбу устроила...

Бояринъ строго взглянулъ на жену.

— Съ коихъ поръ это ты стала въ мои дѣла мѣшаться? Съ кѣмъ я дружу, съ кѣмъ враждую, не вамъ, бабамъ, объ этомъ судить.

— Какъ хочешь, проговорила Марья Васильевна, я, вѣдь, въ твою же пользу забочусь; съ той поры, какъ нашей благодѣтельницы благовѣрной царицы Марьи Ильиничны не стало, намъ надо о себѣ промышлять, чтобы подъ гнѣвъ царскій, въ опалу не угодить.

Федоръ Акинфовичъ остановился передъ женою съ ручникомъ, перекинутымъ черезъ плечо и, вытирая бѣлыя холенныя руки, медленно проговорилъ:

— Все это, Марья, не твои рѣчи, а той, Хитрой. Такъ ты вотъ ей что скажи: чтобы ко мнѣ Нарышкины пословъ не засылали; было время, да прошло; теперь нашъ чередъ отошелъ, ни Соковнинымъ, ни Морозовымъ больше не подняться, пѣсенка ихъ спѣта. А заискивать бояринъ Федоръ Соковнинъ ни у кого не будетъ, да и у царей теперь новые порядки пошли, нашъ братъ не ко двору: сама царица не стыдится лицо свое открывать народу, на потѣшныя бѣсовскія игрища любитъ, сказываютъ, скоро пословъ принимать будетъ. Не по

мнѣ это, и лучше, какъ глаза мои этого не видятъ, уши не слышатъ. Такъ все это и скажи дворцовой лицицѣ.

Боярыня замолчала и пошла готовить горячій сбитень съ калачомъ, а бояринъ ушелъ въ крестовую, гдѣ онъ всегда долго молился.

Марья Васильевна задумчиво срлжала привычною

рукою утренній столъ: вынимала изъ поставца приборъ серебряный, кружку, жбанъ для сбитня, тарелку, блюдо. но мысли ея были далеко. Она думала о сегодняшней поѣздкѣ во дворецъ, о только что сказанномъ ея мужемъ несправедливомъ, какъ ей казалось, словѣ, обо всемъ, происходившемъ въ ихъ семьѣ со времени смерти царицы Маріи Ильиничны. Мужъ ея, Соковнинъ, былъ родственникъ матерой вдовы Ѳедосьи Прокопьевны Морозовой, урожденной Соковниной. Теперь боярыня Морозова была въ опалѣ при дворѣ, за то, что не хотѣла на свадьбѣ царя съ Натальею Кирилловною стоять въ свадебномъ чинѣ, говорить царскую титулу, цѣловать руку „благовѣрнаго государя“ и подходить подъ благословеніе архіерейское. Все это заботило Марью Васильевну и невольное злое, недоброжелательное чувство копошилось въ ея душѣ къ этой боярыни постыжѣ, какъ ее называла Анна Петровна Хитрая, первый другъ и совѣтница боярыни Марьи. Тѣмъ болѣе не любя ей была Морозова, что мужъ частенько ставилъ ей Ѳедосью Прокопьевну въ примѣръ.

— Это святая, — говаривалъ онъ, — не вамъ, стрекотуньямъ, чета; такихъ Богъ любить за то, что молитвенницы и за свою душу, и за насъ грѣшныхъ.

Наконецъ, сбитень подали, налили въ жбанъ, на тарелку положили свѣжій, только что испеченный калачъ, и боярыня, плавно ступая, какъ лебедь бѣлая, поплыла въ комнату, кабинетъ мужа, гдѣ Ѳедоръ Акинфовичъ уже сидѣлъ за стариннымъ рукописнымъ евангеліемъ, нахмуривъ брови и углубившись въ чтеніе. Онъ былъ тоже тайный послѣдователь знаменитаго протопопа Аввакума и, виѣстѣ со многими, не одобрялъ новшествъ, которыя затѣялись при дворѣ, особенно съ возвыше-

нѣмъ воспитателя новой царицы, боярина Матвѣева. Справивъ свое обычное дѣло, обошедши пивоварню, и квасную, и поварню, и пекарню, задавъ уроки швеямъ, портнымъ и золотшвейкамъ, боярыня прошла на вышку, гдѣ только что всталъ ея единственный десятилѣтній сынъ, Вася.

Старая Антиповна одѣла и прибрала дитя, и теперь ждала прихода дьяка, учителя. Вася, блѣдный, худощавый, болѣзненный мальчикъ, сидѣлъ за огромнымъ азбуконникомъ съ затѣйливыми заголовками и заглавными буквами. Онъ прилежно повторялъ урокъ, водя костяною указкою по строчкамъ.

— Чтѣ, Васенька, — ласково проговорила боярыня, глядя мальчика по кудрявой головкѣ: — трудно, чай?

— Нѣтъ, матушка, я ужъ склады одолѣлъ, грамоту разбираю.

— Ужъ и не говори, матушка, качая головой, встала Антиповна: такой то онъ у насъ заботливый, все бы за книжкой сидѣлъ. Вѣдь, что ты думаешь, и Аннушку учить, такіе полунощники, ужъ я ихъ и журю, да не слушаются, стара стала.

Боярыня засмѣялась.

— А гдѣ же Аннушка? — спросила она: не проснулась еще?

— Проснулась, матушка, она у меня не заспится. Эй, Аннушка, крикнула старуха, заглядывая въ сосѣднюю каморку: иди сюда, матушка боярыня тебя спрашиваетъ.

Изъ двери выглянула веселая, смѣющаяся черноглазая дѣвушка. Она ловкимъ движеніемъ откинула широкую, затѣйливо сплетенную косу за плеча и низко поклонилась боярынѣ.

— Спасибо тебѣ, Аннушка, за ширинку, — ласково сказала боярыня, потрепавъ дѣвушку по щекѣ. Ишь, какая румяная да бѣлолицая, пора тебя и замужъ выдавать. Что скажешь, Антиповна?

Дѣвушка зардѣлась и закрылась широкимъ рукавомъ лѣтника.

Въ эту минуту дурка Шмелиха, аршинная карлица, вбѣжала въ комнату и доложила, что пришелъ учитель и ждетъ молодого боярина въ угловой свѣтелкѣ.

— Ахти, батюшки, спохватилась Марья Васильевна: вѣдь ужъ скоро, значить, и Анна Петровна за мною пріѣдетъ, а я то еще и не одѣвалась. Ступай, Шмелиха, сзывай скорѣе сѣнныхъ дѣвушекъ, да чтобъ и Марѳа лекарка непремѣнно приходила: она мастерица лицо наводить по модному.

— Слушаю, матушка, крикнула Шмелиха на ходу. Она не была шутихой по призванью, и взяла на себя эту роль только въ виду своего малаго роста и хорошаго жалованья. Баба она была себѣ на умѣ и умѣла изъ всего сколотить денежку.

Какъ самая проворная и услужливая въ домѣ, она вѣчно была на посылкахъ, зато и знала всѣ новости, представляла изъ себя живую ходячую газету.

II.

Боярыня спустилась, между тѣмъ, въ свою комнату. Тамъ уже ее ждали сѣнныя дѣвушки съ богатыми уборами.

Прежде всего боярыня вынула изъ красиваго ларца небольшое створчатое зеркальце, поставила его на столикъ и сѣла передъ нимъ на складную скамеечку.

Марѳа лекарка открыла ларецъ съ разными стекляницами и баночками и стала наводить боярынѣ лицо. Марья Васильевна отъ природы не была Богомъ обижена: и дородна, и румяна, и бѣла, но по тогдашнему обычаю ее бы осмѣяли, еслибы она поѣхала во дворецъ безъ румянъ и бѣлилъ на лицѣ, еслибы она не подвела брови дугою, не завязала бы волосы такъ крѣпко, чтобы оттянулись углы глазъ; этого требовала тогдашняя мода, и потому лекарка очень усердно разрисовала боярыню, запрятала ея чудные густые волосы въ подзубрусеникъ, надѣла на нее, съ помощью сѣнныхъ дѣвушекъ, богатую сорочку изъ червчатой красной тафты, по ней полосы бѣлы, а на полосахъ травки зелень съ золотомъ; потомъ тѣлогрѣю золотой камки съ червчатою же подпушкою, и наконецъ, искусно обернувъ голову убрусомъ съ расшитыми концами и золотою бахромой, прикрѣпила поверхъ всего кикю, унизанную дорогими каменьями, живыми репьями, т. е. серебряными и золотыми булавками, дрожавшими и переливавшимися при малѣйшемъ движеніи. На лобъ свѣшивалась золотая поднизь съ жемчужинами, лалами и золотыми звѣздочками.

Кика эта была наслѣдственная, ее получила боярыня еще отъ прабабки своей и очень ею гордилась.

Наконецъ, боярыня окончила свой туалетъ и выплыла, мѣрно постукивая высокими каблукками атласныхъ башмаковъ, вышитыхъ золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, въ верхнюю gridню, куда за нею вынесли и красивый кипарисный ларецъ съ рѣзнымъ верхомъ, блестящій финифтью и фольгою. Въ этомъ ларцѣ лежала сложенная ширинка, надушенная пахучими травами.